

Вперед времени

Прожита уже первая неделя нового, 1948 года. Для нас и неслыханный срок немалый. По времени мы привыкли относиться по-особому. Чувство постоянно движущегося и восторга по поводу времени стало как бы шестым чувством советского человека.

Не расстраиваемся напрасно, в честном труде прожитое время — это расцвет нашей Родины, приближение к коммунизму. Это наше счастье, и счастье наших детей и внуков. Это исполнение всенародной — вселенской задачи — мечты.

К результатам интуитивной, первой недели нового года особенно пристально присматривались на наших заводах и стройках. Темп, взятый с первых же дней, должен определить путь всего предстоящего года. А год этот — особенный. Он решает исход борьбы советских людей за выполнение поставленной сталинской пятилетки в четыре года. В нынешнем и в будущем — 1949 году предстоит осуществить программы, заданные промышленностью и всему народному хозяйству страны не на два, а на три года.

Мы поставили своей задачей: перейти на новые скорости, еще более уплотнить время. Ленинградцы первыми бросили этот вызов, и весь народ наш подхватил его единодушно.

И потому с первого же утра нового года, с первого трудового дня, — прежде, чем начать новое восхождение к вершинам, — мы пристально вглядывались в открывающийся путь.

Московский завод «Борец» Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР обладает всеми распространяемыми чертами советской производственной жизни. Это завод, закончивший производственный план минувшего года почти за месяц до срока — 4 декабря. В 1944 году завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени; в самый клонившийся к концу 31 декабря, был опубликован Указ о награждении завода орденом Ленина. Это очень хороший завод. Но таких заводов у нас немало, и то, что происходит там, достаточно типично для всей нашей промышленности.

Редакция задала вопрос директору: — Каким был у нас этот прошлый год?

— Мы примерно на 40 проц. превысили уровень годового производства, — ответил нам директор завода «Борец».

— А что должно быть сделано в нынешнем году?

— В нынешнем году мы должны на 12 проц. превысить уровень 1947 года.

Он рассказал о новых машинах, которые следуют освоить, — о машинах, которые стоят на испытательных стендах или испытываются на нефтяных промыслах и скоро должны пойти в серийное производство. Но главное не в этом. Главное, по словам директора, заключается в непрерывном и напряженном вызовании всех возможностей, которые позволили бы увеличить производственную мощность. В прошлом году завод значительно увеличил свою производительность, и это произошло не потому, что начали действовать какие-либо новые цехи или новые машины. Нет, это был результат долгих раздумий, итог внедрения в жизнь четырехсот рационализаторских предложений, поступивших от рабочих.

Творческая мысль коллектива — это главная сила в выполнении всех наших планов.

В прошлом году тот же завод «Борец» получил задание выпустить для нефтяной промышленности лебедки нового типа. Фрезеровщик Александр Павлович Грачеву нужно было произвести нарезку зубчатого венца на станках для этих лебедок. По технической норме, на нарезку положено было 24 часа. Но уложиться в эту норму Грачеву никак не удавалось. Шестерня простояла на станке по 36 часов. С каждым днем отставание становилось все большей угрозой для цеха. Грачев усовер-

шенствовал производственный процесс и постепенно довел процесс обработки до 17 часов. Но когда он задумался над своей работой, то и достигнутого ему показалось мало. Он рассказал о своих замыслах технику цеха. Инициатива станочника и знания технолога объединились в общем усилии. В выходной день они сами изготовили задуманные приспособления, которые позволили перевести станок Грачева на иной режим и пустить его на полную скорость.

Деталь была готова через пять с половиной часов.

Техническая норма была превышена в пять раз.

Это был напряженный день, — день огромного творческого подъема, — и о нем, вероятно, не рассказано в нескольких строчках. День этот обозначал, однако, переход на новые скорости не только для станка, но и для самого Грачева. В результате этого дня он получил возможность обогатить время и выполнить свой план задолго до срока, перейдя на нормы и темпы иных, грядущих лет.

— Что же дальше? — был задан вопрос Грачеву. — Что несет нам с собой новый год?

— А дальше нужны новые скорости, — сказал он. — Это сейчас для нас самое важное — скорость.

Новые скорости, новые темпы движения в цели, намеченной в пятилетке, — приметы наступающего года.

От социализма мы идем к коммунизму. В этом движении и у нас есть свои трудности, свои коллизии, которые опережают других.

Но нам должна сегодня равняться вся творческая мысль в нашей стране.

Чем больше ускоряем мы темп развития, тем большей помехой для нас становится косность и рутинерство, в какой бы области нашей жизни они ни проявлялись. На производстве и в науке, в философии и в искусстве мы должны беспрестанно освобождаться от груза косности, замедляющего наше движение, как мелкие ракушки, облепляющие киль, замедляют ход океанского корабля.

Если наш передовой рабочий или художник шагнул уже в темпы и нормы жизни 1950 года, то и книги, и фильмы, и песни ему нужны такие, которые позволяют бы заглянуть в будущее, осмыслить новые законы жизни, воспитать в себе черты, соответствующие этим новым законам. Перемены идеи, продиктованные нашим движением к высотам коммунизма, должны быть источником вдохновения для каждого художника. Художник, который отстает от первой линии и плетется в обход, — это уже не художник. Творчество его не может быть ни для кого интересно. Более того, оно вредно, потому что мешает другим идти вперед.

Безидейность — родная сестра рутинерства и косности. Если художник или ученый подпадает к своему труду без партийной ответственности, без ясного понимания основных задач, продиктованных временем, — результат скандально неумел. В литературе это порождает такие ошибки, как неперспективная идеализация прошлого, апологичность в выборе и характеристике героев, когда писатель, вместо того, чтобы помочь советскому человеку увидеть отягощающие пережитки прошлого и освободиться от них, чуть ли не возводит эти пережитки в достоинство, в предмет «самобытности» героя. В звуке безидейности приводит к защите реакционных теорий, как это произошло с некоторыми генетиками, выступившими под защиту не изжитого Дарвином малютства. Безидейность связана с низкопоклонством перед чуждыми западными авторитетами, с отторжением от современности, как это случилось с новыми языковедами и диалектологами.

В борьбе с косностью и рутинерством, с безидейностью и апологичностью мы не можем оставить ни одного непереведенного угла.

Будем же стремиться быть в передовых рядах, в боевой разведке нашего близкого и светлого будущего.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ Орган ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 2 (2385)

Среда, 7 января 1948 г.

Цена 40 коп.

К СУРОВОМУ ОТВЕТУ!

Гатчинский рабочий тов. А. С. Романовский послал в редакцию «Литературной газеты» письмо. Оно заканчивается следующими словами: «Отвечьте мне, товарищи из редакции, писаны ли советские законы и для наших районных руководителей?»

Отвечаем вам, тов. Романовский: писаны! Писаны для всех, независимо от ранга, общественного положения и личных вкусов. Писаны, потому что все советские законы служат одной цели — благо народа, потому что наши законы диктуются только интересами народа — и ничем иным!

Тов. Романовский рассказывает в письме о злоупотреблениях, выпавших на его долю в один из вечеров второй половины декабря 1947 года:

«...Иду в седьмом часу вечера с работы и думаю про себя: хорошо, что нет у нас теперь карточек, нет никаких пропусков, прикличений и т. п. Зайду в любую магазин, куплю ситного хлеба, масла, конфет — чем плохой ужин? Доберусь до первого попавшегося магазина. Немного ухмыляюсь тем, что навстречу мне из дверей выбегают с руганью посетители, но вхожу. Обращаюсь к продавцу: отпустите мне то-то и то-то. Он говорит: у нас, в вашем магазине, специальный магазин и продукты отпускаются только по пропускам».

События, которые, как сообщает тов. Романовский, и заставили его написать это письмо, далее развертывались следующим образом. Зашел он в другой магазин, но убедился, что и там необходим был пропуск — продукты отпускались только работникам милиции. Не смог тов. Романовский заглянуть в третий магазин (там такая привилегия была предоставлена железнодорожникам), не смог и в четвертом... В конце концов, тов. Романовскому удалось набрести на магазин, где у него не спросили пропуска, но, к сожалению, к тому часу, когда он появился там, нужных продуктов уже не оказалось.

Выходит, есть в Гатчинском магазине? Есть, конечно, и в количестве для столь небольшого городка достаточном. И продукты, оказывается, есть. Нет в Гатчине только одного — зоркого глаза, крепкой хозяйской руки, что схватили бы за шиворот нарушителей советских законов. Нам, может, не туда смотреть? Зоркие глаза гатчинских районных руководителей? Во всяком случае, из двенадцати гатчинских магазинов только

четыре можно с полным основанием назвать общедоступными. Непонятно, что в одном из таких общедоступных магазинов, куда и забрался впоследствии тов. Романовский, полки оказались пустыми — сюда обращались особенно большое количество покупателей. Ведь в другие-то магазины пущены были пропуска...

Есть в Калининградской области город Гвардейск. В Гвардейске, естественно, имеются магазины. Число этих магазинов, как пишут в редакцию гг. Сизов и Балобанов, после отмены карточной системы увеличилось. Но не уменьшилось число вывесок такого рода: «Отпуск продуктов только для работников райкома и районного комитета», «Вход по пропускам», «Промартель», «Вход по пропускам — отпуск продуктов для работников Гвардейска», «Вход по пропускам — Гвардейск». Даже в магазинах «Универсаторга», которые как будто бы призваны обслуживать всех граждан — безразлично, плавают ли они на реках, или ремонтируют посылочные дороги, — даже в этих магазинах не удержались от соблазна: «Вход по пропускам — отпуск продуктов для работников Универсаторга». Ну что, например, сказали бы москвичи, если бы за закрытой дверью магазина «Гастроном № 1», что на улице Горького, они вдруг обнаружили предупреждение: «Вход по пропускам — отпуск продуктов только работникам «Гастронома»?

Справедливости ради отметим, что три магазина в городе Гвардейске имели вывески, но, во-первых, в эти магазины трудно пройти (по той же причине, что и в только три на весь город), а, во-вторых, в эти «открытые» магазины, в отличие от «закрытых», заходят меньше количество продуктов.

Возмущало ли заведующего Гвардейским райторгтепсом тов. Забродину такое положение? Может быть, она просто не знает об этом (хотя такое «незнание» также не делало бы ей честь). Оказывается, не только знает, но... «На это есть решение райкома ВКП(б) и райисполкома, а я его выполняю». Мы сделали это в целях приближения торговых точек к учреждениям и населению.

Так ответила тов. Забродин на вопрос гг. Сизова и Балобанова.

В целях «приближения»? Странно полагать значение этого слова гвардейские районные руководители. Более уместно бы-

ло бы употребить здесь иные слова: «в целях отдаления».

Впрочем, в этих же целях руководство Златоустинского машиностроительного завода (директор тов. Полетаев, парторг ЦК ВКП(б) тов. Иванов, председатель завкома тов. Саричев) открыло при заводе специальный магазин, куда по особому списку допускаются только 70 избранных работников.

Тов. Л. В. Левина, сообщившая из Златоуста об этом факте в редакцию, пишет: «Наши рабочие так поняли Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б), что оно означает реальное улучшение материально-бытовых условий для всего народа, а не для отдельных работников. Почему же в нашем далеком уголке пытаются устанавливать свои порядки?»

Гг. Сизов и Балобанов, заключая свое письмо из Гвардейска, заявляют: «Мы считаем это грубым нарушением Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б). Мы надеемся, что виновные в нарушении развернутой торговли и создании закрытых распределителей понесут заслуженное наказание».

Правильно поняли златоустинские рабочие Постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б). И напрасно вы думаете, тов. Левина, что в вашем «далеком уголке» иным руководителям с барскими замашками удастся установить «свой порядок».

Правильно называете вы, гг. Сизов и Балобанов торговлю по методу Забродин — грубым нарушением Постановления Совета Министров и ЦК ВКП(б). Вы смело можете рассчитывать на то, что виновные понесут заслуженное наказание, так же, как на это могут смело рассчитывать все те граждане, которым, — увы! — еще приходится сталкиваться с чиновниками.

Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) об отмене карточной системы и переходе к развернутой торговле воспринято миллионами советских людей, как свидетельство заботы партии и правительства о благосостоянии советского народа.

Жаль, что есть еще у нас заборочившиеся работники, которые, видя, что не могут (или не хотят) вникать в значение этого постановления. Таких людей нужно призвать к ответу. К суровому ответу!

Н. БАРУ.

Советское издательство в роли пропагандиста враждебной идеологии

Вот рассуждение, которым обычно манипулируют агенты Уолл-стрит, восхваляющие американскую «демократию»:

«Так очень рано в нашем американском развитии появляется решимость сопротивляться всякой злопыхательной радикальной группе, стремящейся захватить власть... В основе этого глубокого общественного убеждения лежит какой-то инстинктивный страх перед уничтожением прав личности. Каким образом угрожающая Америке групповая диктатура — аграрная, пролетарская, сектантская, военная или какая-либо другая, вызывает широкое недовольство и рассматривается, как движение, чуждое нашему историческому опыту, как проявление европейско-континентального классового сознания, как безделье, и Атлантический океан, как мы предполагаем, дает спасительный иммунитет».

Этот панегирик буржуазной Америке содержится в книге У. Бинкли «Политические партии Америки», только что (и весьма любезно) выпущенной Государственным издательством иностранной литературы.

По утверждению автора, книга является попыткой изложить историю американских политических партий. Бинкли — один из закоренелых реакционеров республиканской партии США. Его историческое исследование целиком и полностью соответствует зловредной идеологии американского империализма. С первой и до последней страницы (а их в книге 490) ученый лакей Уолл-стрит откровенно пропагандирует замыслы современных хозяев Америки, излагает исторические факты, события, имена, восхваляет американскую буржуазную демократию, искренне запугивает вопрос о традиционной двухпартийной системе США.

Чтобы убедиться в том, как грубо извращаются исторические факты в книге Бинкли, достаточно привести хотя бы следующие откровения: «Одна из трагедий современной республиканской партии состоит в том, что хотя она и возникла, как защитница свободного труда, хотя республиканские законодатели в руководящих республиканских штатах являлись оплотами рабочего законодательства, несмотря на то, что при руководстве Мак-Кинли и Ханна коренные рабочие были ей верны — в нынешнем поколении она позволила тем элементам внутри партии, которые могут дать ей избирательные фонды, но не голоса, увести себя на сторону, явно враждебную рабочим» (стр. 489).

Если принять за чистую монету эти откровения Бинкли, то лидеры республиканской партии являются «поборниками справедливости», «друзьями рабочих», из «защитников» и «ходатаев». Во всей книге идет идеализация и приукрашивание

финансовых и промышленных магнатов, лидеров обеих партий, президентов США.

Автор бесстыдно восхваляет, как «рабочего заступника», Маркуса Ханна, одного из крупнейших промышленников Америки, доверенного человека Рокфеллера, известного мастера политических интриг и покупок, главного «босса» республиканской партии. Если поверить У. Бинкли, то еще в 70-х годах Ханна предпочитал иметь дело с организованными рабочими посредниками коллективных договоров и что он «может считаться вторым отцом практики» (стр. 422). И дальше: «Ханна относился с исключительным пренебрежением к угловым баронам, особенно к Джорджу Ф. Бару, за их отказ принять третейский суд во время забастовки на антрацитовых шахтах в 1902 году». Как доказывает автор, «Ханна вовсе не был кумиром капиталистов. Его серьезные отношения с рабочими казались немой в глазах многих... Что могли думать капиталисты о политике, вышедшей из их же собственных рядов, который ставил вопрос о том, почему бы правительству не создать государственные предприятия?» (стр. 423).

Вот, оказывается, какими был Маркус Ханна, промышленник и провокатор, который чуть-чуть «не врос» в социализм!

В книге фальсифицируется деятельность правительства Теодора Рузвельта, а сам президент, открыто развешивая идею мировой гегемонии США, описан, как почти законченный «друг» рабочего класса. А ведь этот самый «друг» неоднократно клался бороться с «провокаторами» — агитаторами. Он жестоко подавлял выступления фермеров и рабочих, положение которых при его правлении неуловимо ухудшалось.

Другой республиканский президент, Вильям Тафт, консерватор и верный слуга финансовой группы Рокфеллера, Дюпона и др., также изображается в ореоле «благотворителя». Искажая исторический портрет этого реакционера и душителя рабочих, У. Бинкли говорит о Тафте, что «репутация противника рабочих едва ли им заслужена» (стр. 459). Имя этого «благотворителя» до сих пор вспоминают с проклятием даже трудящиеся Латинской Америки, ибо не кто иной, как Тафт, явился инициатором и проводником «дипломата доллара». По его инициативе «Международный союз американских республик» был превращен в «Пан-американский союз», ставший орудием порабощения соседних народов.

Один из виднейших сторонников нынешней «старой гвардии» республиканской партии, поджигатель войны Роберт Гувер обрисован, как «простачок» и «новичок» в политике.

Подозвывая этим же принципом восхваления в фальсификации, автор извращает историю демократической партии и некоторых ее лидеров. О политике Вильсона и его законодательстве У. Бинкли пишет, напри-

мер, что «...первыми в американской истории рабочий класс имел дело с правительством, которое открыто и официально относилось к нему по-враждебно. Рабочие считали правительство Вильсона своей победой» (стр. 463). Тактика Вильсона в области рабочего движения была гибкой и хитроумной. Не случилось на различном роде обещания и заверения, он в то же время, не задумываясь, посылал войска для подавления стачек. Автор книги не может не знать, что именно недовольство масс политикой Вильсона привело демократическую партию к поражению на выборах в Конгресс осенью 1918 года.

Не скупясь на панегирики так называемым «друзьям» трудящихся, У. Бинкли всячески чернит и умаляет роль таких выдающихся государственных деятелей США, как Линкольн и Франклин Рузвельт. О Рузвельте он пишет: «...не будет ничего оскорбительного, если мы скажем, что Франклин Д. Рузвельт был... самым закоренелым оппортунистом» (стр. 475).

О Линкольне У. Бинкли заявляет, что, дескать, Альберт Дж. Беверидж «с горечью обнаружил, что Линкольн, будучи членом палатного законодательного собрания, считался с каждым кодабонаном и настроением своих избирателей — он получил награду благодарности совершенно несвоей позиции и кодабонанскому поведению».

В глазах У. Бинкли типичным «революционным лидером» рабочего класса США является Гемпери, основатель желтых американских профсоюзов, заявлявший враг Советского государства.

Вполне естественно, что всю «историю политических партий Америки» У. Бинкли излагает, исходя из подобных «научных» взглядов.

Апологию идей и деятелей американского империализма иногда прикрывают в своей книге демагогическими рассуждениями о «страданиях народа», о «вечеринках» к диктатуре, — одним словом, всеми теми рассуждениями, которыми обычно жонглируют идеологические лакеи американской реакционной буржуазии.

Итак, в наше дни, когда американские империалисты, проповедуя новую экспансию и развязав бешеную подготовку к войне, стремятся навязать свою власть всему миру, советское правительство выступает в роли пропагандиста американского империализма. Издательство прикрывается предисловием, написанным Л. Зубов. В этом предисловии откровенно декларируются «шпионы» У. Бинкли. По вместе с тем в нем говорится, что, дескать, настоящая книга «представляет интерес для советского читателя... она поможет ему изучить политические партии США, лучше разобраться в политических нравах заокеанской республики» и т. д. и т. п.

Государственное издательство иностранной литературы выступило в роли пропагандиста враждебных взглядов.

В. ЧЕРНЫШЕВ.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении писателя
Сосюра В. Н. орденом Ленина

За плодотворную деятельность в области художественной литературы и в связи с 50-летием со дня рождения награждать писателя Сосюра Владимира Николаевича орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ШВЕРНИН.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРНИН.
Москва, Кремль, 5 января 1948 г.

Американские башибузуки

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Всего и оживленно в батумском порту. Сюда со всех концов света прибывают все новые и новые партии армян, репатрированных из Америки, Сирии, Ливана, Греции, Франции и других стран.

Со многими армянами, вернувшимися на родину, мне приходилось разговаривать, и немало жалоб пришлось слышать от тех, кто приехал из Америки.

Любой человек неамериканской национальности, проживающий в США, на каждом шагу чувствует высокомерное, недоброе, желательное отношение к себе — «чужеземцу».

«Так называемая демократия США», — говорит репатриант Павел Гугасян, — никогда не пыталась сделать нас полноправными гражданами, на нас всегда смотрели, как на чужих, потому что наши глаза и волосы были черными...»

Преследуемая «теория» расового превосходства распространена даже и среди американской интеллигенции.

Магистр химических наук репатриант Т. рассказывает о том, как заметил замечательное отношение профессора к своему любимому аспиранту, когда профессор узнал, что аспирант — не американец, а армянин. Тот же Т. пишет о положении молодых ученых в Америке: «В период моей научной деятельности в Америке я столкнулся с большими трудностями, особенно в последние годы, когда давешние реакции выросли в необычайных размерах».

Базалось бы, в Америке никто не заинтересован в пребывании там армян — «граждан второго сорта», однако, как только стало известно о возвращении в Советскую Армию первой партии американских армян, репортеры черствых газет, дашнаки и другие провокаторы ходили по домам возвращающихся армян, всячески пытались заставить их отказаться от отъезда в Советскую Армию. Убедившись в том, что никакие угрозы и клевета по адресу Советского Союза не могут приостановить мощное движение репатриации, они напечатали в своих газетах портреты репатриантов с хуластическими надписями: «Проклятые красные армяне», «Америка разоблачила заговор бегства красных агентов в Россию». Они весьма откровенно высказывали пожелания, чтобы пошел ко дну корабль, везущий армян на родину. Не было также недостатка во всякого рода угрозах, руганью по телефону и т. д.

За неделю до отбытия первой партии из Америки армяне, проживающие в Бостоне, решили организовать прощальный вечер в клубной гостинице «Commander Hotel». Скорный банкет так и не состоялся, потому что он был сорван членами фашистской организации «Американские ветераны». Они прибыли к гостинице на своих автомобилах, оборудованных репродукторами. Из этих репродукторов все время раздавалась помпезная ругань по адресу армянских репатриантов. Фашистские хулагины ослеплены даже вывеской транспаранта с надписью на английском языке «Долой красных армян» и тому подобные перлы «демократии» далайла.

Амбарцум Гоголян был вынужден по семейным обстоятельствам отъезд своих детей в один из американских миссионерских приютов, где они содержались за его счет. Получив радостную новость о репатриации, он сразу поспешил в приют, чтобы взять своих детей и вместе с ними поехать на родину, но в приюте отказались отъезд своих детей. Он подал в суд. Но американский суд разрешил дело в пользу приюта и вынес варварское решение — отъезд у родного отца его 6-, 11- и 12-летних детей.

Один репатриант, бежавший из Армении в 1915 г. от турецкой резни, горько заметил:

«Мы возвращаемся как будто не из Америки, а из Турции».

Г. ЭМИН.

БАТУМИ.

Памяти Хачатура Абовяна

ЕРЕВАН. (От наш. корр.). Состоялось заседание республиканской юбилейной комиссии по ознаменованию исполняющейся в нынешнем году столетней годовщины со дня смерти Хачатура Абовяна. В юбилейные дни Академии наук Армянской ССР, Ереванского государственного университета и Союза советских писателей республик проведут научную сессию, посвященную литературной и общественной деятельности писателя. Готовится выпуск академического издания сочинений Абовяна, будет переведен на русский язык его роман «Раны Армении». Решено организовать юбилейную выставку и издать научно-популярную биографию Абовяна.

На заседании был также обсужден вопрос о проекте памятника Абовяну и об установлении мемориальных досок в местах, где жил и бывал писатель.

Художественная выставка в Заполярье

В г. Салехард (Заполярье) открылась первая художественная выставка, посвященная творчеству художников Заполярья. Большинство произведений отображает социалистическое строительство в тундре. Среди экспонатов выделяется картина Истоминна «Легендарный герой несецкого народа Ваули Виттоминна».

Выставку посещают охотники, оленеводы и рыбаки Крайнего Севера.

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ПИИЦЫ

«Черный рейхверс марширует» — под таким заголовком газета «Верлин ам миттаг» сообщает о формировании под американским контролем так называемых «промышленных полиций». Ее штотальная военная форма рохожа на ту, которую носили в лейбштандарте СС.

Гос. Бор. ЕФНОВА.

РАЗВЕДЕНИЕ ЭСЭСОВЦЕВ ДОЛЛАРОВОЙ ПОРОДЫ

Да здравствует Народная Республика!

Письмо из Бухарест

На холме, доминирующем над юго-восточным районом Бухарест, высится куполообразное здание румынского парламента. Большой зал парламента повторяет внешние формы здания. Неширокие коридоры охватывают два полузала. Стены коридора увешаны фотографиями, воссоздающими более чем шестидесятилетний путь румынского монархизма. Если пройти из одного конца коридора в другой, фотоснимки воскресят любопытные детали.

Окруженный восторженной толпой депутатов, несемая выступает вперед Кароль I, чуть-чуть наклонив сутловатую фигуру. Любопытная судьба у этого человека, которому суждено было стать первым королем Румынии. Когда кучка земельных магнатов решила обратить страну в королевство и добилась покровительства Бисмарка, будущий король Румынии был всего-навсего артиллерийским офицером прусской армии, неприметным отпрыском одной из ветвей Гогенцоллернов. Он имел весьма смутное представление о стране, верховным правителем которой ему суждено было стать. Сделавшись королем, он так и не сумел научиться языку своих подданных и всю жизнь говорил с ними с помощью переводчика.

Артиллерийский лейтенант стал первым помещиком Румынии. Во время как крестьянство выжато до неслыханных пределов, титулованные магнаты, возглавляемые королем, сосредоточили в своих руках немногим меньше половины всей земельной площади страны.

Среди особ, окружающих короля, из одной фотографии в другую переходит сукопый старик с длинной бородой. Это всеизвестный фельдмаршал Авереску, неоднократно румынский премьер, военный министр и начальник генерального штаба. В Румынии утверждают, что он был особо доверенным лицом в ювентимном первом румынском монархе. Трудно сказать, что связывало монарха и фельдмаршала: немецкая военная школа, которая дала профессиональное воспитание и одному и другому, или убеждение скорострельной артиллерии. Однако известно, что в трудные минуты, которыми была богата жизнь и короля и фельдмаршала, они всегда приходили на помощь друг другу. В Румынии хорошо знают, что в 1907 году, когда опять вспыхнула восстание в стране крестьянского восстания охватили молдавские и валахские просторы, угрожая не только владениям селянского помещика, но и самой короле, на помощь пришел этот полжаркий стариканка с мейсфельдской бородой. Бросив против восставших 150 тысяч солдат, вооруженных скорострельной артиллерией, он в один прием нагнал смея с лица земли добрую дюжину деревень.

Впрочем, искусство появления крестьянских восстаний с помощью артиллерии было в королевской семье прерогативным, как и сама любовь к артиллерии. На фотографии следующий румынский король — Фердинанд. Он приходится племянником Каролю I и унаследовал престол в силу того, что Кароль был бездетен. Чтобы не попасть в шекотливое положение, в котором в свое время оказался Кароль, и не являться в страну без знания языка, он поселился в Румынии задолго до того, как стал королем, двадцать лет дождаясь престола, но так и не сумев толком осилить язык.

Зато он преуспел в другом. В 1924 году в бессарабском местечке Татарбунары разразилось мощное крестьянское восстание. В эти дни любовь румынского королевского дома к артиллерии вновь принесла свои «плоды». Операция возглавлял Георгий Татареку. Он был тогда еще совсем молод и дослужился до субсекретаря министерства внутренних дел. Его хищный, будто послевавший оспой нос и широкую обезьянью губу легко обнаружить на фотографиях тех лет. Результаты артиллерийской экспедиции в Татарбунары вскоре стали известны: бессарабскому селу это стоило тысячи жизней, а Татареку увековечил себя для современников и потомков под именем Татарбунареску.

Георгий МДИВАНИ

«Немая баррикада» — так назвал свою книгу рассказов чешский писатель-коммунист Ян Дрда. Читая книгу Яна Дрды, невольно вспоминаешь его героического соотечественника Клууса Бучку — автора книги «Слово перед казнью». Оба они пишут на одну и ту же тему, у них одна и та же страсть — разоблачить верное лицо фашизма и его трусливых лакеев, противопоставляя им боевой дух чехословацкого народа.

Фучка боролся в застенках фашистских тюрем, как славный патриот и коммунист. Ян Дрда бился на баррикадах за освобождение родной страны.

Сборник рассказов «Немая баррикада» повествует о кровавых боях чехословацкого народа с оккупантами, о его великом сопротивлении, его любви к родине и свободе. Я видел женских слез поток и видел в глазах мужчин. Не поглотит, близок срок — Мы встанем, как один.

Эти четыре строчки Франтишка Галаса из «Песни скорбей» открывают книгу Дрды. Первый рассказ «Высший принцип» говорит именно об этом «гневе в глазах мужчин», о немом сопротивлении славных сынов народа, сердца которых переполняются гневом, и вот-вот выльется этот гнев на улицы, на баррикадах, в жестоких боях. Так и случилось: Этот гнев вылился в прагматическом восстании, вылился в большой вооруженной борьбе чехословацкого народа против гитлеровцев.

Ян Дрда. «Немая баррикада». Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1947 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

2

№ 2

Факты без комментариев

АМЕРИКАНСКИЕ МИНИСТРЫ ЗАЩИЩАЮТ ФАШИСТОВ

Член палаты представителей демократ Себес (от штата Иллинойс) протестовал против разрешения откровенному фашисту Джеральду Смитту, постоянно заявляющему о своих симпатиях к Гитлеру, проводить собрания в общественных местах. Министр внутренних дел США Круг в связи с этим заявил, что фашисты имеют право проводить свои собрания в любом общественном месте и что он не вправе запретить их, если фашисты «не нарушают законов».

ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА НАННИБАЛОВ
Среди аккредитованных в Берлине корреспондентов концентраторного лагеря в Освенциме находилось немало деловых писем известного немецкого концерна «И. Г. Фарбениндустри», пользующегося ныне особым покровительством крупнейших американских деловых. Вот выдержки из этой переписки:

«В связи с необходимостью провести опыты с новыми наркотическими средствами мы хотели бы получить от вас партию женщин. Считаю, однако, что цена в 200 марок за женщину слишком высока. Мы имеем возможность платить не больше 170 марок». «Подтверждаю получение 150 женщин. Несмотря на их изуродованное состояние, мы сможем их использовать...». Испытания были проведены, все подтвердилось империей. Мы скоро поставим вас в известность о потребности в новых поставках женщин».

«КОМПРОМИСС» МАКАРУТА
Штаб генерала Макарута в Японии разрешил японским детям кричать «бонзай» в честь императора при том условии, если учителя «не будут наводить их на мысль об этом».

ДЕПУТАТ-«ПАТРИОТ»
Депутат французского парламента некий Пино во время обсуждения вопроса об ассигновании министрам средств для приобретения и содержания их личных автомобилей указывал, что речь может идти только об американских автомобилях, так как французская промышленность не выпускает автомобилей, которыми министры могли бы пользоваться, «не роняя своего служебного достоинства и авторитета».

БАЛЬЗАК И РАБЛЗ ПОД ЗАПРЕТОМ
Недавно власти Южно-Африканского союза в специальном постановлении напечатали всемладельцам книжных магазинов, что произведения Раблз были запрещены в Южной Африке еще в 1937 г. и потому издание их и продажа в дальнейшем запрещается. Сообщают, что произведения Бальзака также подпадают под действие этого «закона».

ВЫБОРЫ ПО-ГОМИНАДСКИ
В Китае недавно состоялись первые «всеобщие выборы». Хотя голосование должно было быть тайным, бюллетени все же заполняли 500 тысяч специально нанятых профессиональных писцов, так как 75 проц. населения гоминданского Китая неграмотно. Не удивляйтесь, лично являясь на избирательные пункты, хозяева посылали опускать бюллетени своих слуг, родители — детей. Непользованные бюллетени скупались главарями банд, стоявших за кандидатами. В Шанхае многие иронически настроенные избиратели сделали следующие надписи на бюллетенях: голосую «за короткого на рис», «за тираном крупного капитала», «за приближенном дьявола». В городе Чанша произошли стычки между соперничавшими группами, и у самых убито было 10 человек.

«ТВОРЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ» ГОЛЛИВУДА

После того, как Трумэн обратился к американцам с призывом «сестры поменьше», Голливуд решил пропустить высокий расцен «патриотизма» и употребить при съемках не настоящие продукты литья, а бутало, за исключением тех случаев, когда актеру приходится их есть. Однако индейки из папье-маше и фрукты из пластмассы обходились слишком дорого, и студии поставили сценаристам категорическое условие — избегать вообще сцен с едой.

ХЛЕБНЫЕ КРОШКИ

Франко объявил, что норма выдачи хлеба населению будет сокращена до 20 до 40 проц. Как замечает американский журнал «Нью мессенс», испанцы опасаются, что им скоро будут достаться одни хлебные крошки.

ЗАПРЕЩАЕТСЯ КРИТИКОВАТЬ ТРУМЭНА И ПРОИЗНОСИТЬ СЛОВО «ИМПЕРИАЛИЗМ»

В Чили опубликовано официальное распоряжение властей, категорически запрещающее «как бы то ни было» выдвигать против Соединенных Штатов, а тем более против личности Трумэна. Тем же распоряжением строгой запрещается пользоваться в любой информации словом «империализм», а также «критиковать режим Франко».

Герои Дрды — не политические и государственные руководители, а простые, обычные, ничем не выделяющиеся и незаметные люди. Это учителя, ученики школы, рабочие, ремесленники, бывшие полицейские, солдаты, бывшие бойцы интернациональных бригад республиканской Испании и просто слушатели.

Искренно и тепло зарисовал Дрда образ русского матроса Григория Якимчука, вырвавшегося из рук гитлеровцев и принявшего участие в боях на улицах Праги. Матрос увидел, что здесь дерется народ за освобождение, а мог бы советский солдат не бросаться в бой за свободу народа? И Григорий Якимчук, не имеющий ни паспорта, ни других документов, удостоверяющих его личность, сложил свою голову на улицах Праги и был похоронен, как неизвестный герой.

Читатель влюбляется в Бабанека, «некрасивого, худого человека в коротком зимнем пальто и черном потертом пальто с холодными, как сталь, глазами», который ходит по тирам города и с бухгалтерской точностью учится считать. И когда потом свайцарскими выстрелами Бабанек укладывает на баррикаду одного за другим пятнадцать гитлеровцев и кто-то с завистью восклицает: «Пятнадцать!» — бухгалтер Бабанек тихо говорит: «Пятнадцать... Что такое пятнадцать? Мальчишка моего застрелили. А за Гейдриха и пятнадцать тысяч было мало».

Ян Дрда с силой и мастерством зрелого художника, очень проницательным, реалистическим средствами передает сложные характеры людей и событий из жизни и борьбы чехословацкого народа. Несмотря на трагическую судьбу многих любимых героев, писатель в каждой вещи, как в зеркале, отражает счастливое будущее борющегося народа и его жизнеутверждающий оптимизм. В этом сила автора рассказов «Немая баррикада».

Нельзя забыть сторожа динамитного склада Милена и его жены Ветушки. Когда к ним в дом ворвались гестаповцы, искавшие украденный сторожем динамит, Ветушка спокойно поставила железный кухонный бак с динамитом на раскаленную плиту и произнесла свои последние слова: «Вот не разгневайтесь на нас за то, что мы убили таких зверей. Это было за секунду перед тем, как все взметнулось вверх в страшной вспышке взрыва, осуществленного же приговор...».

Нельзя забыть героев «Немой баррикады» — чех коммуниста Франта Кроуна и широкоплечего, белокурого голландца по прозвищу «Незерланд», образы которых на протяжении одной из главных битв борьбы за республиканскую Испанию против Франко и его покровителей — Гитлера и Муссолини.

Ян Дрда считает борьбу чехословацкого народа продолжением борьбы в горах Сиера-Гвадаррама, в горах Астурии, в долине Каталонии, под «славным городом Мадридом».

«За Прагу! За Голландию! За Испанию! Товарищи, огонь!» — таков был последний приказ Франта Кроуна на немой баррикаде пражской улицы.

Ян Дрда понимает, что бои, начатые в Испании, не закончены, они продолжаются, и боины узнают друг друга не по национальному происхождению, а по документам, удостоверяющим их личность, а по честным сердцам коммунистов, отдающих все за дело мира.

Писатели славянских стран создают литературу настижения на международную реакцию, литературу честную и правдивую, как совесть народа.

Тайная сделка Даллес—де Голль

Помещаемая нами статья напечатана в декабрьском номере бюллетеня «Репорт» от урла аффер, издаваемого в США известным и осведомленным прогрессивным журналистом Иоганнесом Стилом.

Только пять человек присутствовало на совершенно конфиденциальной беседе, во время которой генерал де Голль категорически потребовал от Джона Фостера Даллеса, чтобы он (де Голль) был признан не только будущим главой диктаторского режима во Франции, но также будущим генерал-лигисимом союзных сил в «неизбежной» войне против русских; чтобы Франция была передана бывшие итальянские колонии в Северной Африке и, в частности, — Ливия; чтобы Соединенные Штаты немедленно вооружили 40 дивизий оружием новейшего типа, в том числе самолетами и танками. Эти сорок дивизий должны явиться ядром армии вторжения.

Де Голль согласился на встречу с американским делегатом лишь после того, как Даллес заверил члена деловых партий, что он, Даллес, не сомневается в том, что генерал предостит стать будущим хозяином Франции, и сознает, что в его лице он встречает не только лидера политической партии. Когда оба эти человека встретились, Даллес обратился к де Голлю, как к будущим Бонапартам.

Тем не менее, в течение первой половины встречи генерал не решился изложить свою программу до тех пор, пока Даллес не воскликнул: «Я знаю, генерал, что вы не могли прийти к согласию с правительством Рузвельта и с последователями «Нового курса». Во времена значительно изменившегося, у нынешнего правительства и конгресса иной взгляд на международные дела, и они знают, как нужно ценить человека, который, подобно вам, может спасти Францию и Западную Европу».

После этого де Голль стал более любезен и разговорчив. Он развил свой тезис о том, что война с Россией не только неизбежна, но и почти неоправдана. Чтобы разбить Россию, по мнению де Голля, необходимо объединить Западную Европу как экономический, так и стратегический. Де Голль подчеркнул, что он стоит за раздел Германии, так как это позволит включить сырьевую и индустриальную отношения Западную Германию в состав Западной Европы. Соединенные Штаты, Англия и Франция будут, таким образом, иметь возможность организовать и осуществлять контроль над Западной Германией, особенно над Руром, в соответствии с требованиями международной ситуации. В случае войны Рур будет производиться оружие и другие стратегические материалы для «союзников Западной Европы».

Затем генерал снова указал Даллесу, что, как диктатор Франции, он должен быть

также главнокомандующим союзных сил в «неизбежной» войне против русских.

Даллес прямо потребовал от де Голля заверить американское правительство в том, что на этот раз его режим удержится, если он будет открыто поддержан Соединенными Штатами. На мгновение де Голль казался ошеломленным, но затем он поспешно заверил Даллеса в том, что он не отступит «в следующий раз». Де Голль объяснил: «Два года тому назад народ поддерживал меня лишь эмоционально. На этот раз он будет организован с самого начала и окажется в состоянии справиться с любыми чрезвычайными обстоятельствами, которые могут возникнуть, а также будет готов устранить всех наймитов Москвы».

Даллес заявил, что Соединенные Штаты были бы склонны оказать гораздо большую помощь устойчивому и твердому режиму де Голля, чем исполненной хороших намерений, но слабой «четвертой республике». Де Голль улыбнулся и сказал: «Американские газеты... очень скоро будут вынуждены признать, что мое правительство является сильным и знает, как упрочить свою власть». Де Голль заверил Даллеса, что его правительство совершенно поверло с Россией и другими странами Восточной Европы и аннулирует договоры о дружбе, заключенные с ними, как и другие соглашения по вопросам экономики и культуры. Препятствуя в жертву все свои отношения с Восточной Европой, Франция, естественно, потребует компенсаций помимо ассигнованных средств по плану Маршалла.

Здесь Даллес завел разговор об итальянских колониях. Зная мечту де Голля о великой Французской империи, американский представитель сам намекал, что Франция могут быть переданы некоторые бывшие итальянские территории в Северной Африке, в частности, столь желанная Ливия. Это расширит французские владения в Северной Африке от Касабланки на восток до египетской границы. Де Голль едва мог скрыть свое волнение в связи с этим заявлением и немедленно предложил включить в качестве одного из своих непременных условий присоединение итальянских колоний к Франции.

Даллес весьма откровенно объяснил, что он и многие другие «советники» государ-

ственного департамента и президента Трумэна смиряться с потерей Италии в конечном счете. Даллес сказал: «В Италии нет де Голля, но с де Голлем во главе устойчивого французского правительства мы можем быть уверены не только в том, что удержимся в Западной Европе, но и обеспечим безопасность Средиземного моря». Даллес и де Голль оказались в полном согласии относительно Италии, которую они рассматривают в настоящий момент как предмет взаимных обязательств.

Сразу же после двухчасовой беседы с Даллесом де Голль заявил одному из своих ближайших политических друзей: «Я чрезвычайно удовлетворен. Даллес — первый американец, встретивший меня, который понимает меня и проблемы Франции. Я надеюсь, что он станет государственным секретарем в тому времени, когда я приду к власти». Это замечание было сейчас же передано членам американского посольства в Париже, которые, в свою очередь, информировали государственного секретаря Маршалла в Лондоне. Таким образом, прежде чем Даллес смог сделать свое сообщение Маршаллу о де Голле, государственный секретарь уже знал, кого генерал «избрал» в качестве его преемника.

Де Голль заявил также Даллесу, что он не рассчитывает прийти к власти раньше марта 1948 года и что он, возможно, избереет нынешнего премьер-министра Шушана для важного государственного поста.

В начале декабря в Нью-Йорке срочно прибыл «посланник» де Голля. Это — таинственный Реми (Жильбер Рено), который во время войны возглавлял дегеголовскую разведывательную сеть в оккупированных районах Франции. Реми было приказано «перепрограммировать» различные французские организации в Соединенных Штатах в Канаде, чтобы сделать их послушными указаниям дегеголовской пропагандистской машины. Некоторые многочисленные группы свободных французов, организовавшие во время войны, оказали сопротивление и выразили неодобрение политической деятельности де Голля за последние два года. Другое же, как, например, бывший председатель Нью-Йоркской организации «Франция остается Францией» профессор Колумбийского университета Оффер, открыто выразил свою поддержку де Голлю, как будущему диктатору Франции. Реми указал, что Андре Мальро, возможно, будет назначен послом в Вашингтоне, так как он «чувствует себя неспокойно во Франции с момента своего разрыва с французскими левыми элементами».

О. КУРГАНОВ

„Месье Верду“ Чарли Чаплина

В двенадцатом, декабрьском номере журнала «Новый мир» за 1947 год напечатана киносценарий Чарли Чаплина под названием «Месье Верду». Сам Чаплин назвал свой сценарий и поставленный им фильм — «Месье Верду». Но редакция «Нового мира» сочла, видимо, чепуховое название малопривлекательным, а может быть, не совсем сенсационным и вынесла в заголовок ироническую и даже издевательскую фразу, которую Чаплин — и в сценарии, и в фильме — заключил в скобки: «Месье Верду». Это может показаться пустяком, мелочью, ничего не значащей ретарсацией фраз. Однако в сценарии Чаплина играют свою роль и все, казалось бы, «внешние» моменты.

Чаплин назвал свой сценарий «Месье Верду», а не «Мистер Верду», перенес действие фильма из Америки во Францию, отбросил героев — пусть в недалеком, но все же прошлом — на десять лет назад. Дело в том, что даже такой выдающийся художник, как Чарли Чаплин, не смог выступить с открытым разоблачением из современной американской жизни, — он вынужден был завуалировать свою картину, придать ей видимость прошлого, а героев загромождать «под француз».

Обо всем этом, к сожалению, не рассказывал журнал «Новый мир», и советский читатель, которому чужда сенсационность «драматургии ужасов», может предвзвешать серьезные политические претензии редакция «Нового мира».

Прежде всего, редакция журнала не учла природу чаплиновских фильмов, в которых одним творческим ансамблем выступают Чаплин-сценарист, Чаплин-режиссер и Чаплин-актер. Все они дополняют друг друга. Чаплин-режиссер и Чаплин-актер обогащают Чаплина-сценариста: схема сценария обрывается художественной полнотой. А представив советскому читателю только Чаплина-сценариста, редакция журнала обеднила образ одного из крупнейших современных художников. Если бы редакция уважала своего читателя, она бы этого не сделала.

Теперь обратимся к существу чаплиновского сценария «Месье Верду». Главный герой сценария — Анри Верду, маленький человек, байковский кассир, излюбленный чаплиновский персонаж. Двадцать пять лет трудился он в банке, а в день в день считал «сущие деньги», а потом, в день кризиса, банк лопнул, и Верду оказался на улице. У него большая жена и ребенок. Всем им грозит голодная смерть. И Верду начинает бороться. Верду называет это «войной в джунглях». Он становится убийцей. Он женится на богатых женщинах, а потом убивает и грабит их. Такова новая профессия Анри Верду. И эта профессия приводит его к гибели.

Читатель с удивлением убеждается в том, что Чаплин относится к своему герою как будто бы с известным сочувствием. Для Чаплина — это одна из жертв преступного капиталистического общества. Вот страшная судьба маленького человека в буржуазном мире! — как бы подчеркивает Чаплин. Верду мог бы быть честным трудящимся до конца жизни. Вот он идет по дорожке и, заметив ползущую гусеницу, поднимает ее и уносит к забору, чтобы никто на нее не наступил. Вот он кормит голодного котенка. Вот Анри Верду везет по саду свою больную жену — она полегает в кресле... Когда все вокруг очень уж мрачно и уныло, я ужожи мышь в мой другой мир... Этот мир — ты и Питер, единственный, кто я люблю на земле», — признается Верду жене. Но на следующий день он уезжает к очередной жертве, ко-

торую он уже выселен и поджидает лишь удобный момент для убийства. И здесь Чаплин рисует своего героя тоже, по сути дела, в сочувственных тонах — у Верду, дескать, нет много выхода, он ведет «войну в джунглях».

А в зале суда Верду-убийца провозгласит общенациональную речь в стиле Бальзаковского Вотреана. «Да», — говорит Верду, — судьба жала мне ум и способности, и в течение двадцати пяти лет я отдавал их честному труду, но затем они стали никому не нужны. Я вынужден был сам придумать себе способ прокормиться... Но, поверьте, это была не легкая жизнь... Что касается до «массовых убийств», о которых говорил прокурор... разве в нашем мире они не поощряются? Разве у нас не готовят всевозможные орудия массового истребления людей? Разве у нас не разослан на куски ничего не подозревающих женщин и детей, протесавших это строго научными способами? Что я по сравнению с этими специалистами? Жалкий любитель, не более...».

Нет ничего удивительного в том, что все реакционные силы Америки, все эти атомщики и поджигатели войны, короли пушек и нефти, титулованные гангстеры и их слуги, — все они набросились на Чаплина, обвинили его в «антимарксизме», потребовали суда над ним. Ведь даже при всей своей ошибочности фильм Чаплина — удар по трумэнской Америке, по звериной капиталистической системе. И нет ничего более гнусного, чем жалкая, лицемерная критика фильма Чаплина, походящая от убийц и палачей с Уола-стрит.

В фильме так или иначе объективно отражен ужас жизни капиталистического общества. Фильм показывает и те трагические условия, в которых находятся художники современной Америки: они не могут сказать себе правды об окружающем их мире и порою оказываются жертвами господствующих в этом мире моральных и эстетических взглядов. Но, вальсачный в советском журнале, называющемся в нашем социалистическом обществе, то-есть в мире новых, самых передовых и самых прогрессивных идеалах, жизненных укладах, человеческих отношениях, моральных устоев, — киносценарий «Месье Верду» вызвал серьезную и справедливую критику у советских людей. Вот почему мы считаем своим долгом высказать ее Чарли Чаплину, памятуя слова Герцена: «Мы не боимся высказывать самую жестокую правду, но мы это делаем, потому что любим». Да, мы любим Чаплина, большого художника, и с тем большей прямой мы высказываем свои мысли о киносценарии «Месье Верду», написанном в «Новом мире».

У советского человека, разумеется, не может вызвать никакого сочувствия человек типа Верду. Это убийца. Как и сам Верду, так и его философия оправдания убийств может вызвать у советских людей лишь отвращение.

Верду глубоко пессимистичен, он живет в мире безраздельного отчаяния. «...Вы не очень верите», — говорит Верду молодой девушке Рене. — Мир жесток, и надо быть жестоким и злым, чтобы прожить в нем». «Неправда», — отвечает Рене. — В жизни много несправедливости... и очень печально... но капля доброты иногда делает ее прекрасной». «Дайте с богом», — говорит ей Верду, — пока вы меня не испортите вашей философией» (подчеркнуты нами. — О. К.). Верду не видит выхода и даже не ищет его, а большой художник Чарли Чаплин строит свое произведение таким образом, как будто он тоже полагает, что единственный «выход» из человека в буржуазном ми-

ре — это преступление, убийство. Советскому человеку, который обрел свободу и счастье в борьбе, чужда философия безысходного пессимизма. За минуту до смерти Верду говорит слышащему: «У меня сейчас конфликт с Человеком». Это предсмертная фраза вложена в уста Верду художнику Чаплину и тем самым завершена портрет убийцы. Вера в Человека, любовь к нему, а не конфликт с ним, побуждают простых людей от участия Верду. Почему же Чаплин взглянул на мир глазами Анри Верду? Может быть, потому, что сам Чаплин жил последние годы в «джунглях Америки», как затравленный?..

Чаплин вошел в историю мировой кинематографии, как певец судьбы маленького человека. Тридцать шесть лет несет Чаплин это тяжкое бремя. Правда, у Чаплина уже сформировался свой идеал маленького благополучия маленького человека — усадьба, собственный домик, спокойный уединенный коф. Чаплин не признавал своих героев в борьбе, в сущности он только с горечью рассказывает об их судьбе, об их муках. Он рассказывает об этом с подлинным сочувствием.

Маленький человек Америки был благодарен и за это художнику. Но теперь, после «Месье Верду», друзья Чаплина вправе упрекнуть его в измене этому маленькому человеку. Мы повторяем, — киносценарий «Месье Верду» был рассчитан на людей того мира, где гангстеры делают политику, банкиры шикуют законами, а политика ни в чем не уступает гангстерам. Мы убеждены, что если бы Чаплин создавал фильм о гниющем капиталистическом мире для показа советскому человеку — мысль о персонаже типа Верду даже не появлялась бы у него, Верду, да и весь чаплиновский замысел комического «обитывания» убийств — чужды и отвратительны нашему миру, нашей морали, этике, всему нашему жизненному укладу. Чужды они и всем простым, честным, трудовым людям мира, ведущим борьбу против звериного мира капитализма. Как же это не повлияло писатели, редакторы журналов «Новый мир»? Почему они могли возможным предлагать читателю сценарий о «месье Верду», не высказав своего отношения к этому произведению?

Двадцать пять лет назад Чаплин создал фильм под названием «Пилигрим». В этом фильме шериф приводит арестованного Чарли, бедного каторжника, ушедшего раскаты, в мексиканской гоним. Шериф хочет дать ему возможность бежать за границу. Чарли пользуется предоставленной ему свободой только для того, чтобы навестить будет полевых цветов и поднести их своему конюхоному. Тогда шериф ударом ноги выталкивает Чарли на «неамериканскую землю». Но там — восстание, выстрелы. Испуганный Чарли остается на рубящем на американской земле его жет тырма, а на мексиканской — борьба. Он никак не может решиться. Чарли уходит вдоль пограничной линии, переступая погами так, чтобы не наступить и не сойт с нейтральной черты, не зная, на что решиться, какую сторону выбрать... Этим далеким эпизод из чаплиновского фильма «Пилигрим» воспользовались мы теперь, после прочтения киносценария «Месье Верду». Очевидно, Чаплин слишком долго вел своих героев по нейтральной черте, и этот «ничейный рубеж» привел его к философскому безысходного пессимизма. Но переступил ли этот рубеж сам Чарли Чаплин? Мы все же надеемся, что Чаплин выйдет на «нейтральной зоны», и тогда он обогатит мировое киноискусство новыми шедеврами, новыми картинами, полными любви к Человеку, затушим к борьбе с водами капиталистическим миром.

За критику и самокритику в науке и языке

«Мы живем слишком тихо и спокойно...»

Недавно происходило открытое партийное собрание Института языка и мышления и Института русского языка Академии наук СССР, созванное в связи с выступлением «Литературной газеты» по вопросам лингвистики. Проф. Г. Сердюченко в докладе «Патристический догмат советских ученых» говорил о ложной позиции ряда ученых, превращающих историю языкознания в историю западной, по преимуществу немецкой, науки, а также подверг критике книгу акад. В. Виноградова, проф. Н. Чомоланова и проф. А. Реформатского.

Большинство выступавших в прениях признало актуальность критических выступлений «Литературной газеты».

О неудовлетворительном состоянии современного языкознания говорила проф. М. Гухман.

— За последние пять лет, — сказала она, — мы не можем назвать настоящих критических статей и рецензий на научные труды в области языкознания. «Известия Отделения литературы и языка» не только не являются боевым органом, способным разоблачать чуждые нам теории, но и представляют свои страницы праздничному советской науке польскому лингвисту Курасовичу, ныне находящемуся в Америке.

— Работение в низкокочевном в книге Реформатского, в отдельных статьях Петерсона, в работе Виноградова, — сказала М. Гухман, — заключается не только в некорректном цитировании тех или иных западных авторов, а в том, что их работы выносятся во внутренний зависимость от концепций зарубежного идеалистического языкознания.

— До сих пор громадные труды стоят добывать от лингвистов, чтобы они согласились написать критический отзыв на какую-нибудь научную работу. Что же жаловаться теперь на статью т. Агапова и Зелинского? Они сказали то, что могли сказать мы, да не сказали, — заявил редактор журнала «Русский язык» в школе проф. С. Абакумов.

— Статьи «Литературной газеты», привлекшие наше внимание к недостаткам книги академика Виноградова, в основном в изучении диалектов, сыграли положительную роль, — отметила в своем выступлении Е. Комшолова, ученый секретарь Института русского языка, — мы живем слишком тихо и спокойно, потому что в наших институтах принципиальные отношения часто подменяются приятельскими.

Докторант О. Москальская дала критическую оценку порочной книге А. Реформатского. Для подтверждения своих идеалистических построений Реформатский не останавливается перед фальсификацией, выдавая чуждую за свою, высказываясь в духе И. Ленина. Публикование этой книги является несомненной политической ошибкой.

Тов. Москальская говорила о двух способах извращения учения Н. Я. Марра: первый — полное умолчание, второй — формально-обидное упоминание его работ в отсутствие настоящей разработки его наследия.

— Почему, например, наши германисты в основном заняты изучением готского и древневерхнегерманского языков? — сказал проф. Н. Яковлев. — Почему в планах исследовательской работы по германистике совершенно нет современных тем?

Представитель романско-германского сектора Института языка и мышления попытался объяснить свое одностороннее увлечение древними языками неудачей на пути изучения о том, что современная работа о современном языке, построенная на устаревшей методологии.

Однако на собрании не был сделан единственно правильный вывод о необходимости современных по методологии работ на современные темы. Многие участники обсуждения говорили об отсутствии критики и самокритики, о недостаточном уровне идеологической работы в обоих институтах. К сожалению, некоторые из выступавших не пошли дальше этого признания. Свои

роковые критические замечания они сопровождали бесконечными реверансами в сторону критикуемых. Профессор А. Жарков преподнес весьма мягкую критику книги академика Виноградова «Русский язык» в виде пантеистического автору.

Далеко не на высоте своего собственного заявления о необходимости принципиальной партийной критики и самокритики оказалась проф. Н. Чомоланова. Он не ответил на самые существенные замечания о своем собственном учебнике, превращающем заглавию буржуазных лингвистов в допускающий принципиальные методологические ошибки, и не смог с достаточной резкостью охарактеризовать порочную, антинаучную книгу А. Реформатского.

Совершенно не удовлетворило собрание выступление академика В. Виноградова. Он свел свою речь к личным выпадам против докладчика и других своих оппонентов. Барьер-превращательство третируя людей, указавших на серьезные недостатки его работы, акад. В. Виноградов добился легкого успеха лишь среди группы «почтенных талантов», внесшей в работу собрания нездоровые ноты демонстративными аплодисментами и кликушескими выкриками. Независимую роль рупора этой группы сыграли преп. С. Крючков (Госинститут) и докторант А. Ефимов, выступившие с безудержным славословием мэтра, столь же необдуманным по существу, сколь неприличным по своей рекламной форме.

Но не эти выступления определяли ход собрания. Его положительный результат заключался в принципиальной партийной высказывании тт. Гухман, Москальская, Комшолова, Дмитриева, Пашкова и др.

В своем заключительном слове проф. Г. Сердюченко еще раз подчеркнул серьезные недостатки в идеологической работе среди научных сотрудников двух ведущих в стране языковедческих институтов и призвал собрание к дальнейшему разоблачению принципиальной критики и самокритики.

Мирные дни одного обывателя

И. ГРИНБЕРГ

Бывают книги, в которых нет внутреннего согласия. Исходный замысел здесь приходит в прямое столкновение с истинным содержанием образов. Авторская оценка действительности и ее опровержение — реальными свойствами. Писатель благожелателен к герою, но мы отшатываемся от него: слишком уж несправедливы дела и слова персонажа.

Именно в таком несогласии с самим собой и своим героем оказался Александр Чакковский, написав повесть «Мирные дни». Произведение замыкает трилогию «Это было в Ленинграде». Здесь действуют уже знакомые читателю журналист Савин и его жена Ляля.

Александр Савин — герой, любимый автором. Правда, — говорит А. Чакковский, — он ошибается. Демобилизовавшись, он сперва не понимает трудных и ответственных задач послевоенного времени: его представления о семье, о счастье, об общественной жизни. Он угрожает превращение в обывателя. Он мечтает о спокойствии, тишине, он утерял до стремления к новому, творческому беспокойству, которое характеризует советского человека. Но под влиянием Лили и других окружающих его людей он молниеносно перерождается. В преобретение Савина верят все: и Ляля, и секретарь заводского партийного комитета Каргин, и старый рабочий Иванов, и сам автор. Но — увы! — не верит читатель. Саншюком из неприятных и неприятных субъектом оказался этот стремительно перестроившийся герой, любитель домашнего уюта и беспечальной жизни.

В первой же главе повести Савин объясняет своему случайному попутчику в поезде, что теперь в силу наступают другие требования, другие законы. Законы мира, а не войны». Как же понимает он «законы мира»? Это показывает все его последующее поведение.

В своей отрешенной комнате Савин вступает в самое оживленное и задушевное общение с предметами домашнего обихода. С радостным восхищением качается он на пружинах мягкого кресла, торжественно перебирает вещи, лежащие в чемодане, накупает «сучку» мешок для Лили и для нашего дома» и расставляет их, испытывая при этом невероятное блаженство. Ему кажется, «будто уже вторые сутки лентис очень веселый праздник, и главное — не видно ему конца».

Стоит, кожаное кресло, посудный шкаф, записка — ведь все это выглядит так уютно, так мило, что, как признается Савин, — кажется, «можно просидеть всю жизнь, не вставая».

В этих словах, в сущности, высказана вся жизненная программа Савина: ему очень хотелось бы «просидеть всю жизнь, не вставая», без хлопот, волнений, в тишине, уюте и спокойствии...

Возвратившись, Савин, наконец, берется за дело. Он начинает сотрудничать в газете того же завода, где работает его Ляля. Он владеет при этом лишь однообразием, которое сделало бы честь любому пасторальному пастуху. Он хочет жить одиозно: быть все время вместе с «Лилишкой», и совершенно не интересуется ни заводом, ни своей работой.

Его жена Ляля вместе с попутной Приной борется за внедрение нового метода закаливания металлов током высокой частоты. Их опытом и исканиями неметает главный металлург завода Абрамкин. Нет борьбы между новаторами и рутинерами. Савину и в голову не приходит вмешаться в эту борьбу. Он предпочитает, используя свой журналистский опыт, писать газетные рецензии, никого не затрагивая, статьи, улавливая сочувствующие настроения своего бюрократического и сохраняя со всеми добрые отношения. — словом, продолжая «веселый праздник».

А. Чакковский, «Мирные дни», Москва, 1947, 248 с., 16.

Когда же у него начинают портиться отношения с женой, Савин — только для того, чтобы восстановить семейное благополучие! — решает выгнать статью Ирины, обосновывающую важное новаторское предложение. Но его решимость хвастает ненадолго. Он идет «посовещаться» к... Абрамкину, как «авторитетному специалисту», и тот преспокойно прячет направленный против него статью в карман, предлагая вместо нее для газеты свое собственное сочинение.

А что же Савин? Он не способен к выположению своего гражданского и профессионального долга, он не в силах заставить новаторскую идею. Может быть, он решится хотя бы просто защитить любимую женщину? Нет! Растерянный и одновременно усоволаживающий себя — обыватель всегда сумеет подыскать изысканные обстоятельства! — он соглашается на похищение в газете статьи Абрамкина, браждейной всему, что составляет главное содержание жизни его любимой жены. Когда Абрамкин «быстро сузил в карман» статью Ирины, Савин никак не реагирует на этот явно пахальный поступок и в дальнейшем даже пл раз не вспоминает об этом. Перед нами — просто бесхарактерный, мягкотелый, трусоватый человек.

А назавтра — естество сказать, после появления в московской газете статьи, подтверждающей опыты Ирины и Лили, — в Савине неожиданно происходит благожелательный перелом.

«И вдруг я почувствовал облегчение, словно кто приподнял наваливавшуюся на меня тяжесть, это стало легко, радостно». Начиная с этого абзаца, на протяжении нескольких страниц «вдруг» следуют длинные перемены: «и вдруг все мое настроение разом изменилось», «и вдруг все происшедшее снова стало передо мной», «и вдруг я понял...» Таким способом автор пытается превратить ничтожного хлюпика, ограниченного эгоиста, беспринципного труса — а именно таким мы увидели Савина в повести — в сознательного, переделанного советского человека. И Савин сразу же заслуживает всеобщее прощение, игнорируя некупает все свои грехи. С или превращается жена, к нему возвращается утерянный был приемный сын Коля, его начинают любить сослуживцы.

Писатель уверен, что он судит своего героя строгим судом, следуя высоким нравственным критериям советских людей, что его герой — хороший человек и просто должен стать еще лучше, еще сознательнее. По автор не видит ничтожности своего героя. Что бы он сделал Савина, о чем бы он говорил, — все отмечено нежной печатной мешанкой и ограниченности.

Вот он узнает, например, о том, что Прина должна во время расставания с мужем, так как алет в Сибирь помочь внедрению нового производственного метода. Это просто не указывается в сознании Савина!

— Мне непонятно — уныло твердит он, пытаясь отговорить Прину от поездки, — как можно оставить любимого человека и поехать за тридевять земель только потому, что там можно с пользой работать? Он притает ко всем с этим «мучительным» вопросом, носится с этой, так сказать, проблемой, как с писаной торбой. Он с алакой многозначительной янтарной подступал ко всем: а как бы, дескать, мы поступили? Да возможно ли это! — Вот уж, поистине, мыслитель!

Дело совсем не в том, что Савин в начале повести чего-то не понимал, в чем-то ошибался, а затем исправился.

В глазах читателя он с самого начала и до конца был и остается маленьким,

жалким и очень скучным обывателем. Снекоторому выликает вся его «перестройка». Вот он мечется по городу, истерический, рефлексирующий, то лепечет о своих заслугах, то погружается в бездну самонадеянности, обнаруживая в себе какие-то «два существа», то снова хвастает своими наградами и контузиями. В подобном «наравственном перерождении» так же мало привлекательного, как и в заключительной выписке, превращающей благородный труд ленинградцев в безоблачный вальс.

Лишь в отдельных местах повести чувствуется дыхание живой жизни. Оправданно то беспокойство, с которым Ляля относится к чрезмерно легкому успеху Савина в заводской редакции. Подлинное творческое отношение к работе неслучайно от борит, от поисков, от стремления глубоко проникнуть в сущность дела. Савин же пишет поверхностные, ловкие, гладкие, «обтекаемые» статьи.

Но полных реальных черт жизни мало, очень мало в повести «Мирные дни». А. Чакковский строит свое произведение, как геометрическую теорему, он старательно чертит условную схему, не замечая при этом, что схему эту разрушают им же созданные герои.

«Художественная правда», — писал Салтыков-Щедрин, — должна говорить сама за себя, а не с помощью комментариев и толкований».

В повести А. Чакковского нет художественной правды. Потому-то он широко прибегает к комментариям и толкованиям. И не только к ним. Мы находим в «Мирных днях» и ключ от комнаты — символ мирной жизни, в пустой бивальде — символ прошедшей войны, в двух офицерах, из которых один, по словам автора, оказывается «оппортунистическим миром», а другой — «оппортунистическим ушедшей в прошлое войны».

Слабость и условность образов делают расплывчатыми и убеждения положительными героями Лили и Ирины. Ляля в одном из разговоров с мужем вдруг почувствовала, «что где-то в глубине сознания ей очень хочется, чтобы Саша сказал что-нибудь очень важное». Вот такими «очень важными» словами и изъясняются все положительные персонажи. Они говорят не о конкретных делах, а решают вопрос «вообще». «Мне хочется все время идти вперед», — пишет Ляля, — ... в жизнь войти что-то новое, очень высокое». Как печальное-характерно это неопределенное «что-то» и столь же неопределенное «высокое, важное, большое».

Лет десять тому назад А. Безыменский написал путанное стихотворение о связи между любовью и производством:

Сперва:
И я говорил, и она говорила,
и мы говорили, и все про завод.

А затем:
И я говорил, и она говорила,
и мы говорили, и все про любовь.

Вот с такой же, примерно, степенью убедительности решает А. Чакковский проблему личного и общественного.

В минуты мучительных сомнений Савин думал: «Почему ты близкой зимой, приехав в Ленинград, показавшись мне таким ладным и непонятным, а все же так быстро научился понимать его, а теперь, в мирной, обычной жизни совершаешь столько для меня непонятного?» Эти самокритические рассуждения следует адресовать в первую очередь. Действительно, «это было в Ленинграде» привлекло симпатии читателей, в книге ясно чувствовалось стремление А. Чакковского передать живые, достоверные черты безымянного ленинградского подвига. А в «Мирных днях» писатель комментирует и объясняет жизнь, не познавая, не изображая ее. Созданные им образы немощны и бессильны.

Против аполитичности и гнилого либерализма

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Институт языка и мышления Н. Я. Марра и Институт русского языка Академии наук СССР провели в Ленинграде дискуссию о книге В. Виноградова «Русский язык». Духовное собрание, привлекавшее внимание широких кругов ленинградских языковедов, подтвердило актуальность вопросов, поднятых в статье Б. Агапова и К. Зелинского «Нет — это не русский язык!» («Литературная газета» № 59).

Открывая собрание, акад. И. Мещанинов призвал отнестись со всей серьезностью к обсуждению книги академика В. Виноградова. У советского языкознания, — подчеркнул И. Мещанинов, — имеются большие достижения. Тем более важно выявить ошибки, которые содержатся в работах тех или иных лингвистов.

С большим вниманием была выслушана выступившая речь доктора филологических наук Ф. Филина. На конкретном материале он показал, что книга В. Виноградова в своей теоретической основе далека от марксистско-ленинизма, а автор ее стоит на идеалистических позициях.

— В. Виноградов, — заявил тов. Филин, — игнорирует достижения передовой советской лингвистики, в его работах совершенно не использовано неслыханное идейное богатство, которое заключено в трудах классиков марксизма-ленинизма.

Убедительные примеры преклонения В. Виноградова перед буржуазной западноевропейской лингвистикой привнес в свое выступление проф. А. Холодков, указавший также и на ряд фактических ошибок и искажений в книге «Русский язык». Выступивший с яркой, интересной речью

проф. Б. Марин охарактеризовал значительную часть книги В. Виноградова «Русский язык», как «сплав чужих мнений и пестрот, который подменяет настоящее исследование». Проф. С. Капеланов показал, что грамматическая система акад. В. Виноградова основана на искусственном отрыве морфологии от синтаксиса; восток этой грубейшей ошибки лежит в антимарксистской концепции «женевской школы» Ф. де Соссюра и его последователей.

— В нашей лингвистике, — констатировал доцент М. Мальцев, — существует направление, представляемое В. Виноградовым, Р. Ахлесонсом, П. Кузнецовым, С. Ожеговым, М. Петерсоном, А. Реформатским, В. Сидоровым и др., которое основывается преимущественно на идеалистических концепциях. Исторические корни этих немарксистских концепций таковы: в буржуазной лингвистике.

Многие участники дискуссии (доктор филологических наук А. Десницкая, кандидат филологических наук Е. Бокарев, В. Аурин, И. Пухман и др.) отмечали существенные методологические ошибки в ряде других работ В. Виноградова. Большинство выступивших на собрании ученых заявило, что Б. Агапов и К. Зелинский дали в «Литературной газете» принципиально верную оценку книге В. Виноградова «Русский язык» и что «Литературная газета» своевременно поставила вопрос о неадекватности и разрыве критики и самокритики среди языковедов.

На дискуссии, однако, имели место и иные высказывания.

Так, например, член-корреспондент Академии наук В. Чернышев, заявивший, что

статья Б. Агапова и К. Зелинского «напечатана вопреки обоснованию, хотя в ней нет ни одного научного довода против книги Виноградова» (!), пытался затем убедить собравшихся, что «большинство ученых занято разработкой чисто научных задач и у них нет времени следить за новой методологией». Не менее странно прозвучало и заявление В. Чернышева о том, что «важно опровергнуть сложившиеся работами невысокой политической ценности, поскольку эти работы являются научными» (!).

Такое же недоумение вызвали высказывания члена-корреспондента Академии наук В. Истриной, утверждавшей, что в книге В. Виноградова имеются лишь «отдельные недочеты», которые заключаются в том, что в освещении теоретических проблем автор... «сваливает в идеализм». Иная, идеалистическая в теоретической концепции, по мнению И. Истриной, это всего только «отдельные недочеты»... А член-корреспондент Академии наук С. Бархударов, защищая книгу Виноградова, объявлял достоянием этой книги «уважение к научной традиции, которое у Виноградова возрастает по мере того, как он стареет».

Нелепые, идеологические выступления, попытки протолкнуть старую буржуазную теорию «чистого» языка, якобы незапятнанной от политики и задач современности, не встретили в зале большого отпора среди присутствующих. Это свидетельствует о не изжитой еще до сих пор в среде языковедов атмосфере благодушия, гнилого либерализма и терпимости по отношению к враждебной советской науке «теориям» и «концепциям».

никогда не забывает о своей Родине, говорит о ней с нежностью и гордостью, горю, восторгом во всем превосходство ее трудового народа, ее широты, сердечности и аскса, ее природу, ее будущих путей и дорог.

Не обесам чужой отчизны —
Я песни родные слезал...

заявляет поэт-патриот. Но не только за ширь полей и синеву небес любит Некрасов свою родную землю. Говоря о судьбе целого поколения революционеров-демократов шестидесятых годов, Некрасов с благодарностью пишет о них:

Пленительные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страны
Вы кто-нибудь прекраснее встречали...

Только в России могла возникнуть плеяда таких людей, бесстрашных и самоотверженных рыцарей своего народа. Поэт знает, что именно эти люди — самые лучшие и верные сыны своей Родины. Не граф де Гарианский, обещавший свои именина с французской кухней и русским титулом, презрительно поглядывавший свысока стеклышко на народ, а беснующийся спбский политический сдвиг, прозванный Кротом, — настоящий патриот своего отечества. Ибо, изуродованный неслыханным трудом, обесцвеченный и доушмиваемый, он

...лучшо,
Как мы, был русский человек.
Он не жалел, что мы не немцы,
Он говорил: «Во многом нас
Опережали языками,
Но мы догоним в добрый час!»

«Дом — лучше!» — так оглаждала поэта одна из своих стихотворений, посвященных Европе. Так мог бы Маяковский назвать свои стихи о западниках. На чужбине поэт тоскует и бездельствует, и только зальный ветер Родины, долетавший сюда через все границы и моря, возвращает ему снова учувственные слезы.

За дальним Средиземным морем,
Под небом ярем твоим,
Искал и припримечал с горем
И не нашел и ничего!
Я сам не свой: ханжар, немое,
Не одолею мило судью,
Я там ниспущен перед нею,
Но ты дохлая — и сумел,
Быть может, выдержать борьбу!

На чужое море, на чужая даль не могут человеку в решении его задачи и горестей, в решении судьбы его отчизны. Эту

мысль Некрасов высказывает и в своих стихах, и в своих журнальных заметках. Вот он осуждает повесть некоего Зотова за то, что она написана по иностранным образцам. Некрасов называет Зотова целую группу перекопанных русских писателей, у которых должен учиться молодой литератор, и критикует его повесть «Докторша» за то, что в ней нет ни поэзии, ни серьезной мысли, ни жизненной правды.

«Побольше произведений», — пишет Некрасов, — ахронизм в настоящее время и живое доказательство, как жалки романы во вкусе Поля Фенела, Дюма и т. д., как грешно современному литератору считать побольше побасенки... гораздо лучше подражать г. Гончарову, Тургеневу, Григорьеву, графу Толстому, кто вообще подражать ведь векохораша, по крайней мере, может угадать хоть две-три теплые и свежие страницы». Так справедливо резко расправляется Некрасов с писателем, заглядывавшим в чужое море и чужую даль!

Жизнь народа и творчество художника, Родина и поэзия неразрывно связаны для Некрасова в одно целое. Он возвращается из заморских стран, приезжает к себе в родные места и с возмущением выхватывает западных рыцарей — села и дегтя, горький дымок дальних очагов. Слова знаковая мельница машет ему крылом, снова он бредет по осеннему лесу, и рыжая сухая листва шуршит под его высокими охотничьими сапогами.

Ой ты, родная сторона
С ее зеленым, благодатным летом,
И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом!

На Западе — не вылезал я ничем
Красивых строк, эластичных и
Сильных,

В Германии я был, как рыба, нем,
В Италии — писал о русских сыльных...

Параллель с темой Родины тема труда звучит в поэзии Некрасова с не меньшей выразительностью и силой. Он опущает в горсть крепостного поземельного труда полз палящим солнцем, беснованный труд рабочих, прокладывающих через болота железную дорогу, усталость дровосека в зимнем лесу, одиночество пахаря на черной осенней ниве.

В стихотворении «На Волге» поэт рассказывает о работе булавочника:

Но ядрю я стоны услышал
И взор мой на берег упал.

Почти пригнувшись головой
К ногам, обитым бисером,
Обутым в лапти, влоды реж
Ползли гурьбой бурлаки,
И был немалым для
И страшно ясен в гниине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дорожало во мне.

Здесь все передано удивительно точно и осязательно. Так ясно вы видите фигуры согнутых и устремленных вперед людей, медленное движение их ног, обутых в лапти и влизувших в речную песь, узлы жестких веревок, врезавшихся в плечи. Эти строки имеют страшную правду и образательную силу могут поспорить со знаменитой режиссерской картиной.

Но в стихах Некрасова — не только тяжесть, ложившаяся на плечи бурлака в парад, селата и десурбу, а в них — и радость человеческого труда, недоступная людям, не державшим в руках ошты или ружья плуга.

Воя и труд человека
Длинные думы творят!

Сильные, работая и дальних в холодных краях, алази от родных мест, почти всеобщий гимн, в котором прислаиваются борьба и труд на благо будущего Родины, ради ее богатства и процветания.

Трусишь, покамест служат руки,
Не сетуй, не ленись, не трусь,
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разобьются Русь!

Пушкил томился гланием, жаждой,
Пусть дронем в холоде зимы,
Ей пригодится камень каждый,
Который добыт в нем.

Здесь мы, внуки, снова слышим голос поэта, обращенный к нам через многие годы.

Да, Некрасов великий певец нашей страны, певец осеннего золота наших лесов, аниных выжженных степей, снежного туманного утра, вострга, разожженного путником догора, реки, поросшей камышом, деревом, поднимавшейся на припорок, выходящего дегтя джидя, летущего змеи прохлады. Но ниже, буквально ни в одном стихотворении, мы не найдем у Некрасова иронии природы, так или иначе связанной с человеком, с его мыслями и настроением. Любимые прекрасные пейзажи чуждо поэзии Некрасова. Его природа, как в ленинградских пейзажах, живая и одухотворенная. Вот уж, кажется, перед нами малень-

кое хрестоматийное стихотворение, скроенное по шаблону «Перед дождем». Во и здесь, в самом конце его появляется какой-то динчик, и сразу весь пейзаж как бы оживает ради этого, случайно промелькнувшего человека.

Вот о чем должны помнить всегда некоторые молодые поэты, пишущие пейзажные стихи, не сорванные присутствием живого человеческого дыхания.

Особенно дорога нам в поэзии Некрасова живая, разговорная интонация, иногда настолько непринужденная, что кажется, будто здесь сама жизнь разговаривает с нами. Некрасов ало высмеивал Бенедиктова за его «стремление к оригинальности... вычурности и уларской гримасничности». Все это было чуждо и враждебно правдивой и простой поэзии Некрасова. Некрасов почти всегда старается не говорить за своих героев, он алет им возможность высказаться все, что у него есть в душе. В его стихах люди чаще всего говорят от первого лица, а речь их абсолютно живая, почти чудом зарифмованная, человеческая речь. Разве не исгает через читателя и одно мгновенное образ старой деревенской женщины, потерявшей сына, беспрерывно повторяющей свое причитание: «Умер, Касьяновна, умер, сердечная, умер и в землю зарыл!» А сколько таких типично озадаченных портретов, образов и лиц живет в стихах и поэмах Некрасова! Сколько нужно было звать человеческих судеб, профессий и биографий, чтобы обо всех них так рассказать. Ведь во многих рассказах и романах зачастую мы не найдем такого разнообразия живых и востанега запоминающихся характеристик. Скроено оценка свой труд, Некрасов сказал однажды: «Передо мной никогда не изображенными стояли миллионы живых существ! Они просили забытого внимания! Так изжила эта своеобразная портретная галерея, составляющая в целом лицо народа».

Многие же поэты могли бы написать о Некрасове, но все эти могут стать темой десяти томов, мне же просто хотелось в день окраски моего билета дружески побеседовать с читателем об одном из самых дорогих в любимых революционных поетах.

Сердце, верное народу

М. МАТУСОВСКИЙ

К 70-летию со дня смерти Н. А. Некрасова

Еще в детстве выискал нам темный сарай, полный душного сена, особенно остро пахнувшего после дождя, пыльный луг солнца, пробивавшийся сквозь щели, старая душная, лежащая у стены, и группа бедолаговых ребятишек, слушающая застенчивые небылицы незнакомого охотника. Он рассказывает им о медведе Топтыгине, о несомом пропавшем втретиче Яковле, о деле Мазе, поджарившемся весной с зайцами. Потом мы подрастали, выросали, учились в школе, — все шире в увлечении открывался мир нежного поэта-революционера, все глубже и серьезнее знакомилась мы с его душой и образами, в вит уже и полный ритм представляла перед нами его строга муза — поудра поэта, с лицом, посянием на себе страшный след кнута, — дитя борьбы в плену, добря в гора, любви и ярости, — дерзкая сестра народа.

«Я лару посвятивя народу своему» — с полным правом сказал о себе Некрасов, вглядываясь в приданный житейский путь. В самые трудные и горестные минуты эта любовь к родному селам и подлинное служение народу поддерживали и утешали певца, давали ему силы и уверенность в правоте своего дела, давая ему стихи от первой до последней строки. Они помогали ему проносить сквозь сумрак паразма начало иных мечем и партия, различая живые, неслыханные творческие силы народа, еще скончаные, побольше золотым россыпям, таинским под ледяными покровами Сибири. Ата вера шутника, знающего, что за негледным крутым исцеалом должна открыться дорога, это ощущение завтрашнего рассвета особенно дорого нам в Некрасове. Образ широкое, бескрайнего пути, на который должен выйти народ, неизменно возникает в стихах поэта.

Еще народу русскому
Прелеле не исследованы,
Пред ним широкий путь, —

завораживает говорит Некрасов в своей поэме «Божу на Русь жить хорошо» — этой

полноводной оцессе русского крестьянина. Никакие испытания, ни голод, ни труд не могут согнуть Савелия-богатыря.

Маленькому безвестному деревенскому школьнику суждено болелая, а быть может, и великая жизнь. Пазар, засевающий сердца поле, еще увидит переды похитий в вередный день. Поэзия Некрасова устремлена вперед, это поэзия больших мечтаний и надежд, провозвеший и широких дорог. Слово и пророчество и мечем сие, поет различает будущее своей родной реки Волги, преобразившей трудом свободного народа: расширились берега, углубилось русло, ожили вокруг степи, понылаи гигантские паромы и зашумели приставы.

Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.

Это ведь сказано о нас с вами, о нашем сегодняшнем дне — сбывшемся на лав мужественной и светлой мечте поэта.

Нет, это не только муза мечты и печали, это муза труда и славы народа, муза веры в свою Родину и ее грядущее. Не даром в одной из своих журнальных статей, полный надежд на будущее, Некрасов пишет: «Сегодняшний день лучше вчерашнего, завтрашний будет лучше сегодняшнего, и в таком будущем время делает свое дело. Борей же в путь!» Уже промчался с жидкостью, слагая свою погребную колыбельную песню, Некрасов еще раз повторяет:

Уступит свету мрак упрямый,
Услышит песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой...

